

А. И. МРАМОРНОВ

К ИСТОРИИ АНТИЦЕРКОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА¹ 1918–1920

История революционных трибуналов, созданных большевиками в 1918 году и действовавших до судебной реформы 1922 года, остается до сих пор плохо изученной². В еще большей степени это касается тех страниц прошлого этих «классовых» судов, которые были связаны с гонениями на Русскую Церковь.

Автором этих строк уже было предпринято обзорное исследование дел по обвинению духовенства, разбиравшихся в Саратовском губернском революционном трибунале³, после чего взор был обращен на трибунал столичный.

В Москве революционный трибунал появился одним из первых на подконтрольной большевикам территории страны. Его создание имело особенности по сравнению с трибуналами других губерний и областей. Уже 15 декабря 1917 года на пленарном заседании Московского Совета была утверждена «Инструкция Московскому революционному трибуналу». Таким образом, нормативный документ, данный московскому трибу-

налу, опередил даже аналогичную инструкцию, принятую НКЮ 19 декабря того же года уже для всех трибуналов большевистской России. Инструкция московскому трибуналу впервые определила, что следственная комиссия должна организовываться при трибунале, а не при местном совдепе. Заседания трибунала предполагалось делать публичными⁴.

Уже 21 декабря 1917 года Московский революционный трибунал начал свою работу и за первое полугодие существования принял к рассмотрению 2022 дела⁵.

Некоторые крупные дела, разбиравшиеся в Московском революционном трибунале, упоминаются в современной исторической литературе, а отдельные документы, связанные с деятельностью трибунала, опубликованы. Самым известным процессом над духовенством является суд 1922 года, последовавший за кампанией по изъятию церковных ценностей. Опубликованы лишь выборочные документы этого процесса, например приговор⁶. Однако издание всех материалов данного суда у нас отсутствует, и, кроме того, в литературе сложно найти точные указания на место хранения соответствующих архивных дел. Кстати, известен и процесс над петроградским духовенством, закончившийся расстрелом главных фигурантов во главе со священномучеником Вениамином⁷. Но и с ним ситуация не лучше: 28 томов дела остаются в основном неопубликованными.

Опубликован приговор Московского революционного трибунала по делу объединенных приходов г. Москвы (1920). Его копия сохранилась в 10м томе следственного дела Патриарха Тихона⁸. В том же деле находится подлинный протокол осмотра следственных материалов по этому делу, из которого видно, что дело состояло из трех томов, причем в первом — 267 листов, во втором — 26, в третьем — 548⁹. Исследователи вскользь пишут об этом деле. Например, А. Н. Кашеваров не опирается при этом ни на какие архивные документы¹⁰.

В Центральном государственном архиве Московской области есть два фонда московского трибунала — 4612 и 4613. В каждом фонде — три описи. Опись № 2 фонда 4613 содержит протоколы заседаний президиума и следственной комиссии трибунала, опись 3 — уголовные дела с алфавитом к ним

(Д. 3). При ознакомлении с описями было выявлено 20 дел, по которым к следствию и суду привлекались священно- и церковнослужители, а также монашествующие. Хотя есть вероятность, что в указанных двух фондах есть и другие дела, отражающие репрессивные действия трибуналов в отношении Церкви (например, с конца 1919 г. в названиях дел реже стали отражать священный сан фигурантов), все же представляется, что найденные дела — это большая часть сохранившегося в этих двух фондах.

Нужно отметить, что среди дел нет расстрельных, далеко не все доведены до судебного заседания (для дел, где судебное заседание все же состоялось в большинстве случаев характерно отсутствие стенограммы или протокола заседания). В ЦГАМО — только дела по уездам Московской губернии, дел по Москве нет, как нет и фонда ревтрибунала, по крайней мере, отраженного в путеводителях, с такими делами в архивах Москвы (в частности, в хранящем фонды советского периода Центральном архиве г. Москвы). Последнее подтверждено и ответом на соответствующий запрос автора статьи в Главархив г. Москвы.

Отсутствие в общедоступных государственных архивах части фонда Московского трибунала по г. Москве (а не по губернии) наводит на мысль о том, что эти документы (вне зависимости от степени важности и масштабности дел) были переданы в один из ведомственных архивов, закрытых для исследователей (например, они, возможно, находятся в Центральной архиве ФСБ или в архиве УФСБ по Москве и Московской области)¹¹. Там же, по видимости, хранятся и расстрельные дела, которые на уровне следствия могли разбираться в трибунале, а потом передаваться в ЧК для «решения вопроса» во внесудебном порядке.

Два трибунальских фонда из ЦГАМО уже привлекали внимание исследователей. Писатель М. И. Вострышев в популярной книге о трибуналах использовал целый ряд дел из этих фондов¹², в том числе изученные нами в ходе настоящего исследования. Вострышев не ставил перед собой научных задач, а руководствовался лишь творческими соображениями — изложить материал занятно и доступно.

Публиковались некоторые достаточно интересные документы Московского ревтрибунала из фондов ЦГАМО, но они не касаются гонений на Церковь¹³. Однако в предваряющем упомянутую публикацию исследовании Д. Б. Павлова выявлены принципы и основания, на которых трибунал строил свою работу.

В настоящей статье наша задача — сделать обзор наиболее важных из найденных в ЦГАМО дел, отражающих преследования революционными властями православного духовенства, сделать на их примере заключения, важные для понимания церковной истории первых послереволюционных лет.

Первым по хронологии является дело по обвинению священника Казанской церкви села Киясовки Серпуховского уезда (ныне — Ступинского района) Иоанна Гжельского и псаломщика того же храма Павла Успенского. Дело интересно тем, что началось еще до прихода большевиков к власти.

В межреволюционный период в Киясовке, как и во многих других российских городах и весях, активно действовали агитаторы, либо поддерживавшие меры Временного правительства, либо настроенные даже более радикально. Волостной секретарь Архипов и «организаторша» Сарылова летом 1918 года создали в Киясовке «политический клуб... для просветительной пропаганды среди темной массы»¹⁴.

1 августа на собрании членов этого клуба Сарылова и Архипов прочитали лекции: она — о продовольственном вопросе и «текущем моменте», он — о свободе слова, совести и веры. Последнее выступление носило откровенно антирелигиозный характер, и в результате уже на следующий день приходской священник Киясовки, объезжая деревни своего прихода, начал разъяснять людям лживость антицерковной пропаганды.

Слово пастыря возымело действие, причем, возможно, неожиданное для него самого. Решительные русские мужики в количестве нескольких сотен человек собрались у волостного правления, готовые к расправе над секретарем и «организаторшей». Для мирного исхода потребовалось вмешательство и самого священника, и солдат.

Уже на следующий день волостной комиссар отослал уездному донос на священника, ходатайствуя о привлечении отца Иоанна, псаломщика и самых активных прихожан «к строгой ответственности». Но допросы по делу были произведены уже в конце ноября 1917 года, когда власть в столице перешла к большевикам и местные «царьки»-секретари, утвердившиеся при Временном правительстве, почуяв изменившуюся конъюнктуру, без промедления переквалифицировались в сторонников РСДРП(б).

Результаты допросов по делу, проведенных 28 ноября 1917 года, были разноречивыми: солдаты показывали, что священник Гжельский подстрекал к самосуду. Гражданка Марья Пичугина свидетельствовала: «Батюшка созывал народ к контрреволюции, но к самосуду над писарем не призывал»¹⁵. Староста Василий Сухов говорил, что «священник Гжельский и псаломщик Успенский против демократических начал не шел и население не призывал к самосуду». Его супруга соглашалась с такими показаниями и добавляла, что «секретарь Архипов и инструкторша развращали молодежь устройством танцев и чтений»¹⁶.

Сам священник объяснял, что как он православный пастырь считает «свободу слова неотъемлемым правом всякого человека», а августовский инцидент вызван нетактичностью, «которую позволил себе в своей “лекции” о свободе веры господин Архипов... Его кощунственные слова о таинствах, о церкви и священстве вызвали возмущение в населении помимо какого-либо влияния с моей стороны... Словом, весь инцидент был вызван не моею контр-революционной деятельностью и подстрекательством к самосуду, а неосторожностью госпоина Архипова и той нетерпимостью, с которою вообще наши сельские прихожане относятся к противникам веры»¹⁷. Псаломщик свидетельствовал, что Архипов регулярно появлялся на публике в пьяном виде и «неоднократно проявлял свое невежество везде, где только было возможно»¹⁸.

После формирования новых, большевистских, органов власти дело киясовского причта перешло «по наследству» в местный исполком. 25 марта 1918 года там было сострепано обвинительное заключение, в котором подчеркивалось, что достаточные следственные действия по делу уже были произве-

дены комиссаром еще при Временном правительстве и что «показаниями свидетелей обвиняемые достаточно изобличаются в своей работе против нововведения Советской власти (sic! — А. М.) посредством тайной агитации при помощи церкви, располагая на религиозные чувства и верования прихожан, чтобы добиться своей цели — прекращения работы организаторов и восстановления в приходе лишь свое<го> влияния»¹⁹.

В итоге по делу Гжельского-Успенского был найден единственный логичный выход — прекратить его в связи с тем, что указанные события происходили при Временном правительстве²⁰.

Дело священника Гжельского отражает механизмы продвижения местных активистов в межреволюционную эпоху: хорошие шансы на быструю карьеру оказывались у людей развратной, пьяной жизни, наглых и нахрапистых, не обремененных излишними нравственными принципами и представлениями, каким был, по отзывам современников, волостной секретарь Архипов.

Интересно и другое дело, показывающее механизмы возникновения «контрреволюционных» обвинений в адрес священнослужителей почти сразу после прихода большевиков к власти.

11 февраля 1918 года настоятель Георгиевского храма села Ванилова (а также погоста Милино; к приходу также относилась фигурировавшая в деле деревня Левычено) Ашитковской волости Бронницкого уезда священник Михаил Дмитриевич Сахаров прочитал прихожанам заметку из еще издававшейся тогда газеты «Утро России».

Информация касалась недавнего большевистского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Отец Михаил, по его позднейшим показаниям, просил прихожан разъяснить ему, как поступать с преподаванием Закона Божьего. Он «заявил, что если прихожане желают преподавания Закона Божьего, то пусть составят на этот предмет особый приговор»²¹. Это впоследствии дало повод для признания священника виновным в том, что он «объяснил смысл Декрета в извращенном виде и что Закону Божию учить детей воспрещено вообще». Тем самым пастырь якобы «вызвал волнение несознательных масс»²².

На следующий день, в понедельник 12 февраля 1918 года, состоялся «двухселенный» сход жителей села Ванилово и деревни Левычено. Там, кроме вопросов деятельности «потребителювки» (магазина местного потребительского общества), вновь был затронут и взволновавший жителей вопрос о декрете.

На сходе оказался комиссар просвещения Бронницкого уезда Попов. Он стал объяснять жителям деревень «смысл декрета» и вскоре получил за свои «объяснения» первые удары по шее от простых мужиков (общая черта с делом киясовского причта). Попов обратился в бегство, но крестьяне начали его догонять. Комиссар вытащил револьвер и пригрозил гнавшимся за ним крестьянам, но не стреляя и не целясь. Далее, по показаниям одного из свидетелей, П. Ф. Люсина, граждане окружили Попова с целью обезоружить. Один из них, Н. В. Егоров, стукнул комиссара колом по спине, в результате чего последний упал в сугроб. В это время обнаружилось защитники комиссара — товарищи Ермилов и Люсин, крикнувшие: «Что вы делаете?» Впрочем, Попов успел еще получить удар увесистым поленом по ногам.

Комиссару удалось скрыться в здании земской школы, но вся эта история как раз и стала поводом для возбуждения обвинения против священника, якобы содействовавшего прозошедшему.

Как выясняется из материалов дела, почва для «волнения масс» была подготовлена заранее, и отнюдь не священником, а одной из сельских учительниц — 30-летней Анастасией Лаврентьевной Павловой. До революции она, по словам отца Михаила, «отличалась ревностью к религии, возила детей в Киев на богомолье»²³. При новой власти Павлова неожиданно поменяла свой образ мыслей: стала отбирать у школьников Евангелия и учебники по Закону Божьему, встала в резкую оппозицию к приходскому священнику и двум другим учительницам, одна из которых, 19-летняя выпускница Мариинского епархиального женского училища Серафима Сахарова, была дочерью отца Михаила.

Показания Павловой на допросе в ревтрибунале скорее напоминают донос. Она не только рассказала про «подстрекательскую» деятельность священника, его дочери и учительницы

Пискуловой, но и упомянула еще об одном своем коллеге — учителе Георгии Васильевиче Грачеве, назвав его «косвенным подстрекателем к преступному деянию»²⁴.

На деле никакого подстрекательства в деревне не было, налицо оказалось лишь недовольство граждан попытками прекратить преподавание Закона Божьего. По показаниям одного из свидетелей, уже во время развязки событий 12 февраля перед народом появился священник²⁵ и объяснил, кто такой Попов (народ не хотел верить, что это представитель власти и требовал от него удостоверить свою личность и полномочия), после чего «народ успокоился и стал расходиться[ся], часть людей стала просить у Попова прощения»²⁶. Да и мог ли серьезно заниматься «подстрекательством» священник Сахаров, который, по словам одного из свидетелей, «совершенно не обладает даром слова»? ²⁷

Несмотря на нелепость обвинений, уже в октябре 1918 года священник Сахаров вынужден был дать следственной комиссии подписку о неотлучке. 11 декабря революционный трибунал приговорил отца Михаила к пяти, а побивших комиссара Попова односельчан священника — Евсеева и Титова — к трем годам принудительных общественных работ²⁸.

16 января 1919 года Кассационный отдел ВЦИК постановил, что дело кассации не подлежит. В ходе «расследования» и после осуждения священника за него ходатайствовали его прихожане и члены церковного совета. Последние, в частности, в протоколе, составленном по результатам собрания, писали о своем пастыре: «Он томится в заключении, мы, его прихожане, скучаем по отсутствию службы церковной. <...> И тем более грустно в такое время, когда в нашей местности, то и дело умирают люди от эпидемии испанской болезни. Умершие, правда, отпеваются соседним священником, но часто без Литургии, ведь невозможно одному священнику совершать обедню у себя и здесь. А главное мы знаем своего священника о. Михаила Сахарова, как человека доброго, всегда отзывчивого к просьбам нашим. Не было случая, когда бы он пренебрег делом своей службы»²⁹.

И тем не менее, по крайней мере, до мая 1919 года отец Михаил содержался в Таганской тюрьме в Москве. 3 мая 1919

года жители села Ванилово и деревни Левычено просили освободить священника, отмечая, что «скорее он был сам социалист, т.к. за время служения в своем приходе никогда не держался стороны богачей и кулаков, за что был не уважаем последними, а держался стороны бедноты и каждый бедный мог получить от него доброе слово и полезное наставление»³⁰.

Не ясно, привело ли к положительному исходу подобное ходатайство, подкрепленное полутора сотнями подписей сельских жителей. Из дела это не устанавливается, как, впрочем, и какие-либо дальнейшие события в жизни священника Сахарова. В недавно появившемся краеведческом очерке А. Сулова сообщается, что отца Михаила арестовали в 1921 году по доносу. «Как говорят, он 8 месяцев отсидел в тюрьме. Вскоре после освобождения скончался»³¹. Пока без привлечения дополнительных источников трудно сказать, идет ли речь здесь еще об одном деле, построенном на доносе, или это все то же рассмотренное нами дело, но с ошибкой в датировке.

Как бы то ни было, дело священника Сахарова очень хорошо передает нам типичную картину первых послереволюционных дел: на головы граждан — крестьян и фабричных рабочих — вдруг неожиданно сваливались какие-то нововведения, вроде отмены преподавания Закона Божьего. Явных сторонников этих нововведений было мало, а некоторые из них, как учительница Павлова, по мнению большинства односельчан, оказывались людьми с психическими отклонениями.

Дело ваниловского настоятеля показывает, сколь искусственной была антирелигиозная политика большевиков (не имевшая реальной поддержки «на местах») и сколь натянутыми оказывались в большинстве случаев обвинения в контрреволюции. Постепенно сторонников этих искусственно привнесенных в общественную жизнь представлений и норм становилось все больше, они содействовали постепенному слому общественной нравственности, духовного стержня народа, что в конечном счете привело к спаду экономической активности и моральной деградации. И если документы 1918–1919 годов изучаемого дела рисуют нам трудящийся народ, работающую фабрику, то через 90 лет спустя мы обнаруживаем на том же

месте — в поселке имени Цурюпы Московской области — праздно шатающийся и почти полностью спившийся люд, в большинстве своем отнюдь не спешащий в отреставрированный Георгиевский храм³².

Схожим с ваниловской историей было и дело священника Николая Скобеева, выпускника Вифанской духовной семинарии, многолетнего (до конца 1930-х гг.) настоятеля Петропавловского храма села Лужки Еремеевской волости Звенигородского уезда (ныне — Истринского района).

24 марта 1918 года приходское собрание церкви этого села постановило, что «все имущество, приобретенное нашим приходом <...> есть благоприобретенная и неотъемлемая собственность нашей приходской религиозной общины». Прихожане заявляли, что в случае необходимости произведут «уплату деньгами за предметы религиозного культа соответственно их стоимости», но не отдадут их из храма³³. Как позже показывал священник Скобеев, это именно он агитировал приход за то, «чтоб имущество церковное было бы выкуплено крестьянами». При этом, считая власть еще «неустановившейся», он в частных разговорах не стеснялся говорить о том, что ему ее действия не нравятся. Интересно и свидетельство отца Николая о том, что перед членами прихода он читал и разбирал заметки газеты «Беднота» о священниках³⁴.

Постановление приходского собрания и действия священника вызвали беспокойство у местных властей, но действовали они крайне медленно: лишь 10 июня местный комиссар юстиции постановил привлечь священника за распространение контрреволюционных слухов, в июне–июле были проведены первые допросы, а 1 октября народный суд 2-го участка Звенигородского уезда постановил передать материалы в революционный трибунал³⁵. Попутно устанавливалось, имел ли место еще в 1917 году случай кощунства над иконой святого Саввы Сторожевского, когда один из толпы, «выжигая глаза пр[е]подобному] Савве папирской, говорил: “Если ты святой, то накажи меня, тогда поверю в твою святость”»³⁶ (об этом случае священник рассказал в проповеди в день памяти святителя Николая в мае 1918 года, и эта проповедь дала дополнительный им-

пульс к тому, чтобы местные власти всерьез «заинтересовались» его деятельностью; была даже назначена проверка, которая выявила, что никто об этих событиях не слышал; сам же священник ссылался на иеромонаха Савво-Сторожевского монастыря Иосифа, рассказавшего ему о кощунстве).

Характерно, что свидетелями обвинения выступили рабочие фабрики М. С. Михеев и А. С. Балабаев, а свидетелями защиты были местные крестьяне. 42-летний член фабричного комитета М. С. Михеев в декабре 1918 года свидетельствовал о том, что «еще при царизме, до революции, свящ[енник] Скобеев всячески за свою пасторскую (так в тексте. — А. М.) деятельность взимал плату, против которой протестовали многие граждане, т.к. плата была непосильна, <...> еще при Времен[ном] Правительстве свящ[енник] Скобеев открыто шел против революционного движения, на молебнах он говорил об отрицательном своем отношении к революции и несколько молебнов даже упоминал имена царя и его родных, которые мы, граждане, требовали из службы вычеркнуть». После большевистского переворота, по словам свидетеля, священник говорил, что новая власть «никем не выбрана». Приводя на допросе эти «свидетельства», Михеев ничтоже сумняся упоминал, что в церковь ходит редко³⁷, поэтому особых оснований доверять приведенным выше свидетельствам у нас нет.

Свидетель А. С. Балабаев на допросе показал: «свящ[енник] Скобеев говорил, что если придут большевики отбирать церковное имущество, то вы должны золото и серебро выкупить». Заметим, что это показание хотя и соответствовало действительности (и сам отец Николай этого не скрывал), но отнюдь еще не означало, что «свящ[енник] Скобеев контрреволюционную агитацию вел повсюду»³⁸.

20 февраля 1919 года трибунал вынес приговор отцу Николаю: 5 лет тюремного заключения с принудительными работами и штраф в размере 3 тысяч рублей. При этом, однако, сразу была применена амнистия VI съезда Советов, и приговор был назначен условно, но при этом штраф был сохранен³⁹. 5 марта священником была внесена указанная сумма штрафа⁴⁰.

По схожим мотивам, так же связанным с январским антицерковным декретом большевиков, осенью 1918 года было начато дело в отношении диакона Николая Яхонтова, служившего в селе Осташево Бронницкого уезда.

В октябре 1918 года его мобилизовали в тыловое ополчение Бронниц. Именно там, в городе, в чайной Петра Нестерова, отец Николай разговорился с неким крестьянином о гонениях на Церковь. 24-летний диакон твердо свидетельствовал, что гонений христианам бояться не следует, что они «не могут принести Церкви ничего, кроме пользы, т.к. гонения укрепляют веру в людях и заставляют их ревностней относиться к законам своей Церкви, как это видно из примера древних христиан»⁴¹. Во время разговора к их столу подошли трое, один из них был в кожаной куртке (начальник отряда Бронницкой ЧК И. Я. Сыровский). Он приказал двум другим: «Обыщите его». Обыск ничего не дал, после чего между Сыровским и диаконом Яхонтовым произошел следующий диалог: «Надо расстрелять эту сволочь.» — «Очень рад пострадать за имя Господа Иисуса (здесь и ниже — так в тексте. — А. М.) Христа.» — «Хорошо у Вас Господь Иисус Христос»⁴².

После этого диакона арестовали, препроводив в местную ЧК, допросили и отправили в тюрьму. Вплоть до января 1919 года отец Николай томился в заключении. 15 января бронницкие чекисты решили передать дело в губернскую ЧК. Лишь 12 февраля оттуда документы по делу были направлены в революционный трибунал. Выждав еще три недели и лишь однажды, 27 февраля, допросив отца Николая, 3 марта 1919 года следственная комиссия сочла следствие по делу законченным и передала его в коллегиию обвинителей. Интересно, что на допросах диакон не отрицал, что считал необходимым «не подчиняться тем распоряжениям советской власти, которые противны... религиозным убеждениям», при этом за свержение власти он не выступал.

27 марта 1919 года диакон Яхонтов по решению следственной комиссии был освобожден из Таганской тюрьмы⁴³. После пятимесячного ареста у отца Николая наконец-то появилась возможность увидеть супругу и ребенка. Тем не менее дело

прекращено не было: нужно было дожидаться решения трибунала. 8 апреля 1919 года Московский революционный трибунал признал Яхонтова виновным в извращении декрета Совета народных комиссаров и призыве к неподчинению этому декрету и приговорил его к 5 годам заключения с принудительными работами⁴⁴. Любопытно, что единственным свидетелем на суде был чекист Сыровский. Очевидно, что после вынесения этого приговора отец Николай вновь был заключен под стражу и начал отбывать наказание (хотя документальных подтверждений этого в деле не обнаружено).

21 ноября 1919 года Московский революционный трибунал вынес постановление о диаконе Николае Яхонтове. Учитывая красноречие и «грамотность» авторов постановления, рискнем процитировать этот документ с сохранением всех его особенностей: «...ввиду того, что пребывание на свободе гр. Яхонтова не является опасным для Республики ибо советская Рабоче-крестьянская власть опирается на широкие массы трудящихся достаточно авторитетна и после второй годовщины пролетарской Революции после смотра и подсчета рабоче-крестьянских сил ни какая бессмысленная агитация отдельных личностей не в состоянии поколебать пролетарских стальных рядов поэтому трибунал постановил по отношению гр. Яхонтова применить досрочное освобождение и пяти летнее заключение заменить условным, освободив из подстражи»⁴⁵.

Интересно отметить, что подписавшая это постановление член трибунала Соловьева приобщила к делу свое особое мнение, согласно которому Яхонтов амнистии не подлежит⁴⁶. В нашем распоряжении, к сожалению, нет данных о дальнейшей судьбе отца Николая.

Проанализированные выше дела священника Скобеева и диакона Ястребова — это яркие примеры принципиальной позиции настоящих христиан — защитников церковной святыни от поругания. Еще один такой пример — протоиерей Александр Иванович Воскресенский, настоятель Воскресенского собора города Руза.

Весной 1918 года Рузский уездный совет постановил наложить на «имущий класс» налог — разверстку. Под это по-

становление попал и отец Александр. Он письменно отказался платить «дань», заявив, что этот «налог» установлен по произволу «партийного кружка»⁴⁷. Через неделю его пригласили для объяснения причин того, почему он не вносит налога. На беседе он заявил, что не признает законность взыскиваемого с него налога. Вроде бы им была брошена также фраза в адрес председателя совета Скворцова: «Таких дураков в председатели не сажают» (а Скворцов был не только «дураком», но и уголовным преступником: ранее он был осужден за убийство и отсидел всего 8 месяцев⁴⁸). Духовенство Рузы также заявило о необоснованности наложения на них налога⁴⁹.

23 апреля 1918 года настоятель рузского собора был арестован. Арестовывавшие его солдаты обращались к священнику на «ты» и всячески оскорбляли. За неделю до ареста и сразу после него были проведены допросы священника. На них он, в частности, показал, что советскую власть признает и даже получал официальное разрешение на проведение пастырского собрания в местном совете. В то же время он подтвердил, что заявлял о необходимости сохранения Закона Божия в школьной программе. «По заповеди Господа нашего Иисуса Христа <...> я по долгу совести служителя Христова не только в высшем начальном училище, но и всюду говорил и буду говорить, что Закон Божий для православного христианина необходим, ибо в познании Закона Бога наше вечное спасение». При этом священник отказался дать подписку, что впредь не будет произносит в церкви речей, касающихся политики и власти народных комиссаров, приведя следующую мотивировку: учить Закону Божию — его долг, поэтому если он будет высказываться за его преподавание, это будет трактовано как высказывание против советской власти. Отец Александр привел и другой пример: 1-го мая приходится на Страстную среду, но если тогда же будет весело отмечаться светский праздник, он не может против этого не высказаться⁵⁰. Интересно указание в допросе от 16 апреля 1918 года на принадлежность Воскресенского к партии народной свободы⁵¹. Один из свидетелей, хлебопашец М. М. Саврасов характеризовал священника так: «По моему мнению, он во всяком случае прогрессист»⁵².

Настоятеля Рузского храма поддержали прихожане и клир. Тем не менее священник был оставлен под стражей и отправлен в Таганскую тюрьму в Москве. О его освобождении ходатайствовал член Поместного собора Н. Д. Кузнецов. Он сообщил трибуналу о взятии его на поруки известным московским священником Алексием Мечевым⁵³.

В рапорте на имя Святейшего Патриарха Тихона отец Александр сообщал, что в тюрьме его поместили в самую грязную камеру, заставляли исполнять разные черные работы, а первые два дня к нему не пускали посетителей, и лишь на третий дали свидание с женой. В дороге из Рузской тюрьмы, а потом и в самой Москве, Воскресенскому пришлось претерпеть различные тяготы и издевательства.

Из имеющихся в деле допросов следует, что в общем-то священник был совершенно ни в чем не виноват, а все произошло на почве личной ненависти со стороны Скворцова. Тем не менее он оставался в тюрьме до середины июня.

15 июня 1918 года следственная комиссия постановила предать священника Александра Воскресенского суду трибунала за демонстративное непризнание советской власти и агитацию против нее в проповедях, произносившихся в Рузском соборе. До суда он был освобожден под поручительство протоиерея Алексия Мечева и выехал на временное место жительства у своей дочери Лидии на станции Дорохово.

3 июля 1918 года московский трибунал приговорил протоиерея Воскресенского к десяти годам тюремного заключения с зачетом предварительного заключения⁵⁴. Но 20 ноября того же года на основании амнистии VI съезда советов отец Александр был освобожден как «не опасный для республики»⁵⁵.

В революционный трибунал передавались также дела, связанные с подмосковными монастырями, в том числе с национальными святынями. Так, одним из самых крупных дел из числа разбиравшихся в 1918 году Московским революционным трибуналом стал «процесс города Звенигорода». Он возник после попыток местного комиссара Макарова реквизировать материальные ценности из Саввино-Сторожевского монастыря. Население города и окрестных сел взбунтовалось и встало

на защиту святыни. Наличие трех томов архивных материалов позволяют посвятить этому делу отдельное исследование, которое автор этих строк планирует провести в скором времени с учетом уже имеющихся в историографии данных о звенигородском восстании.

Жизнь Иосифо-Волоцкого монастыря в послереволюционный период освещена в литературе очень слабо. В небольшой брошюре по истории обители подчеркивается, что «после революции для монастыря наступили трудные времена» и что «тяготы взаимоотношений с новой властью в значительной мере выпали на долю казначея монастыря, иеромонаха Пафнутия (Бовина)». При этом имя настоятеля архимандрита Иннокентия (Бобцова) в этой работе не упоминается. Авторы также рассказывают о том, что в 1919 году в братском корпусе разместили интернат⁵⁶.

Между тем документы из фонда революционного трибунала позволяют раскрыть новые страницы истории обители в это трудное время. По инициативе мельника И. О. Бакшеева, давно имевшего экономические связи с волоколамским монастырем и, по-видимому, любившего святую обитель, 4 марта 1919 года, на первой неделе Великого поста, было организовано религиозное собрание для принятия на учет монастырского имущества. В собрании участвовало около 300 человек. На нем выступал настоятель монастыря архимандрит Иннокентий и сам Бакшеев, который высказал мнение, что в связи с большевистским декретом необходимо создать церковный комитет для принятия имущества. Комитет был избран на том же собрании, после чего его члены направились в волостной совет с просьбой об утверждении комитета и участии в совместной приемке монастырского имущества. Вторичное собрание было намечено на 19 марта с приглашением членов волостного совета.

В намеченный день около 600 человек приняли участие в очередном общем собрании религиозной общины Иосифо-Волоцкого монастыря. На этот раз присутствовали два члена местного исполкома и начальник 2-участка волоколамской милиции С. И. Зимин, знавший уже о первом собрании и начавший производить дознания о том, что на нем происходило.

Зимин стал предлагать присутствующим решить вопрос о создании в монастыре коммуны, разъясняя смысл декрета об отделении Церкви от государства. Ему ответили, что люди собрались не для этого, а для избрания уполномоченных церковной общины.

Затем начались споры по поводу того, должно ли все имущество монастыря остаться в его ведении. Обсуждение проходило бурно. Избранный товарищем (заместителем) председателя собрания Бакшеев очевидно в запале сказал представителям советской власти: «Нас 600 человек, а когда нужно — будет собрано до 60 тысяч»⁵⁷. Эту фразу большевики восприняли как угрозу, хотя на самом деле, как позднее выяснилось, смысл ее был иной: «Для принятия монастыря пока достаточно и 6 человек, а в случае надобности Бакшеев сказал что, может быть, тогда соберутся и 60000 человек»⁵⁸. В результате собрание постановило образовать религиозную общину монастыря и взять все его имущество в пользование общины с принятием по описи всех богослужебных предметов⁵⁹.

Представители власти посчитали собрание контрреволюционным. Начались дознания и допросы. Одним из первых по делу был допрошен 65-летний настоятель монастыря архимандрит Иннокентий. Ранее он был протоиереем, овдовев, принял монашество, с 1916 года был в Саввинском монастыре настоятелем и благочинным окружных монастырей⁶⁰. Допрашивался отец Иннокентий как обвиняемый, хотя выяснилось, что на собрании он почти ничего не говорил и лишь слушал шумные споры граждан.

Дело расследовалось в нескольких советских инстанциях: сначала местный совдеп передал его в уголовно-следственную комиссию Волоколамского уезда, откуда оно было передано в ЧК. 4 июня дело было направлено Чрезвычайной комиссией в революционный трибунал, а 7 июня принято последним к производству.

В начале сентября следственная комиссия трибунала представила обвинительное заключение. Обвиняемым был И. О. Бакшеев и председатель второго мартовского собрания Д. И. Молчанов. Бакшеев обвинялся в несанкционированном созыве первого собрания и агитации против декрета «Об отделении...»

на втором, а Молчанов — в непринятии мер к успокоению граждан. По-видимому, судебного заседания по делу не проводилось, и в итоге оно было «замято»: 17 декабря 1919 года трибунал прекратил его по амнистии VI съезда Советов⁶¹.

Проанализированное дело, связанное с Иосифо-Волоцким монастырем, интересно тем, что события, которые в большинстве приходов и обителей происходили в 1918 году, в этой обители разыгрались на год позже. С чем связана была такая медлительность прихожан и местных властей, пока не ясно. Может быть, с провинциальностью Волоколамского уезда. В этом контексте характерно, что даже в допросах, произведенных в 1919 году (а не в переходных 1917 — 1918 гг.) в уездной уголовно-следственной комиссии продолжали ссылаться на статью 443 Устава уголовного судопроизводства 1864 года!⁶²

Важнее другое: и в 1919 году, после ужасов красного террора (хотя, возможно, и обошедшего стороной жителей прилегающих к монастырю деревень), верующий народ был готов защищать церковную святыню от поругания. Власть этой защите, естественно, противостояла, но, вероятнее всего, чувствовала, что народной поддержки у нее нет, а могущество строится преимущественно на силе револьверов и штыков.

В этом отношении характерен сочиненный местными жителями пародийный «окафист», который отнюдь не кажется кощунственным, а отражает подлинное отношение народа к новой власти. Люди прекрасно понимали, что во главе Советов встали прохиндеи, люди недалекие, вороватые, нагловатые — такие, как начальник местной милиции Зимин. Вот этот образчик народного творчества: «Кимисару комунисту Зимину. О престрастный Сергей и скаких ты стран приидоша и в монастыре посилися, и в комиссары всташа, и все чайные и лавки затвориша, и коммуны сотвориша, и весь народ соблзниша. Радуйся Сергей молоком объедося, радуйся Сергей всю капусту сожраша, радуйся Сергей, тебе весь народ колена приклоняша, радуйся Сергей новоиспеченный комиссар, радуйся Сергей себе розбойников взяша, которая давно крови искаша»⁶³.

В волоколамском деле интересно прекращение (еще на этапе первоначального следствия) преследования престарело-

го настоятеля — архимандрита Иннокентия, а в конечном итоге — и всех фигурантов. И дело даже не в отсутствии состава «преступления», а в том, что власть чувствовала народное сопротивление своим действиям, далеко не всегда решаясь силой «решить вопрос». Осуждение к реальному сроку заключения 65-летнего настоятеля и мельника, которому тоже шел седьмой десяток лет, могло вызвать новые возмущения.

Хотя в деле нет этих сведений, но из литературы известно, что в июле 1919 года местные власти осуществили попытку призыва на военную службу насельников Иосифо-Волоцкого монастыря, отказали монастырю в поставках топлива и заняли под школу здание больницы⁶⁴. Антирелигиозное наступление чувствовалось, но пока оно не было критичным. В монастыре все-таки была создана коммуна во главе с отцом Пафнутием, она просуществовала до 1922 года⁶⁵.

На почве имущественных отношений возникло дело игуменьи и монахинь другой подмосковной обители — Брусенского Свято-Успенского монастыря города Коломны.

В июне 1919 года в Коломне решено было организовать концентрационный лагерь⁶⁶. Подходящим помещением сочли мужской монастырь, но он уже был занят уездным управлением милиции. Тогда жилищный отдел приступил к описи имущества женского монастыря. Оказалось, что на территории монастыря есть «огромный корпус, в котором может разместиться все управление милиции уездной, городской, отделение уголовного розыска, адресный стол и уездная почта, общежитие милиционеров и столовая для них. Весь верх этого огромного здания ранее занимала игуменья «с ее многочисленным штатом прислуг»⁶⁷. Монахинь решено было «уплотнить». Особенно власти сетовали на то, что из 200 монахинь 5/6 — это молодые и здоровые девушки и женщины, «никаким общественно полезным трудом не занимающиеся». По версии следствия, именно уплотнение, производимое властями, стало причиной того, что последовал удар в набат. Звонил кто-то из монахинь, и на звон собралось около 1000 человек окрестных жителей. Большевицкая власть боялась толпы как огня, а потому и сам набатный звон, на который люди всегда незамедли-

тельно шли, и любые несанкционированные собрания строжайшим образом запрещала.

16 июня 1919 года телефонное сообщение о набате в монастыре было получено коломенской уездной милицией. Милиционеры во главе со своим начальником явились в обитель, разогнали толпу и устроили дознание на предмет того, кто начал бить в колокол, но никто из монахинь виновницу не выдал. Тогда они начали арестовывать всех активных насельниц обители, а те пытались оказать сопротивление и одна из них даже несколько раз укусила милиционера Конькова.

Несколько монахинь, которых власть посчитала причастными к звону, были арестованы и заключены в женскую тюрьму. Монахиня Ефанофия (Егорова) на допросе показала, что именно она била в набат по требованию монахини Нимфодоры (Журавлевой). Последняя, в свою очередь, сказала, что кто-то от имени игумении распорядился об этом, и все монахини кричали: «Бей в набат»⁶⁸. Сама игумения Ювеналия (Минина) отрицала свою причастность к звону и, напротив, свидетельствовала, что, услышав набат, тут же распорядилась прекратить его⁶⁹.

В ходе допросов большевикам удалось выявить разногласия в монашеской среде. 65-летняя монахиня Дивора (Коробейникова) во время дознания жаловалась на руководство монастыря, свидетельствуя, что вместо престарелой игумении делами монастыря управляет ее родственница — мать Ангелина — «хистеричная особа, которая тол[ь]ко и умеет кричать»⁷⁰.

Изучавший документы о гонениях на Церковь в Коломене священник Кирилл Сладков пишет, что «монахини и послушницы Брусенского монастыря старались помешать их изгнанию из настоятельского корпуса. В июне 1919 года они написали жалобу в Комитет Совета крестьянских и рабочих депутатов о незаконных действиях против них. На их жалобу ответ последовал незамедлительно: на следующий день пять монахинь были арестованы и направлено в коломенскую тюрьму»⁷¹. Как видно из материалов изучаемого дела, арест был ответом не столько на жалобу, сколько на набатный звон.

Как бы то ни было, коломенское управление народной охраны 3 июля 1919 года передало дело в трибунал. За сестер

вступились граждане Коломны, прося дело о набатном звоне разбирать не в трибунале, а в народном суде. Арестованных готовы были взять на поруки, а сами они обратились с прошениями об освобождении. Несмотря на это, 17 июля трибунал постановил оставить их под стражей⁷², но 27 августа игуменую Ювеналию все-таки выпустили из тюрьмы.

13 октября 1919 года дело игуменнии решено было направить на следствие, Егорову и Журавлеву осудить условно — соответственно на пять лет и три года, а остальным — «принимая во внимание их неграмотность и ту забитую жизнь в глухих стенах монастыря, куда ни одна искра общественной жизни не могла проникать благодаря высоким каменным скалам (так в тексте. — А. М.)», вынести общественное порицание⁷³. 11 декабря 1919 года дело было прекращено по амнистии.

Разобранное дело интересно тем, что из него мы узнаем монашеское имя насельницы Коломенского монастыря Марии Журавлевой⁷⁴, включенной в 2005 году в собор новомучеников и исповедников Российских как преподобномученица и как «послушница» (см. Журнал № 9 заседания Священного Синода от 20 апреля 2005 г.). Мать Нимфодора (Журавлева) была и после закрытия Брусенского монастыря в 1920 году верна коломенской земле и здесь в итоге была репрессирована. Расстреляна 15 декабря 1937 года на Бутовском полигоне.

Еще одно дело, связанное и с Коломенским уездом, и с набатным звоном (но уже в другом храме), касалось священника села Лыково Василия Воинова. Суть его была связана с процессом изъятия из церквей метрических книг, запущенного большевиками.

31 мая 1919 года к отцу Василию пришел председатель местного совета Васильев вместе с милиционером. Они предъявили мандат на отобрание метрических книг (следует обратить внимание, что события происходили в 1919 году, такая медлительность отличала развитие события и в Иосифо-Волоцком монастыре, о чем говорилось выше). Как показывал через несколько дней на допросе сам священник, он не знал о том, что метрики должны изыматься из храмов и попросил сначала провести по этому вопросу сельское собрание. На просьбу он по-

лучил отказ. Тогда священник вроде бы согласился выдать книги и ушел в алтарь. В это время начался набатный звон; в храме собралась толпа, у которой отец Василий стал спрашивать разрешения на выдачу книг. Из толпы послышалось: «Не давайте, а гоните их в шею»⁷⁵. На допросе, произведенном уже после ареста, священник объяснял, что хотел выслушать сельское собрание, поскольку «без собрания книги отдавать не могу, как бы мужички потом меня не обвиняли»⁷⁶ (эти слова явным образом указывают на то, что мужички, а особенно бабы, которые, по показаниям свидетелей, шумели 31 мая еще больше, не были сторонниками советской власти, раз предпочитали держать книги о рождениях, браках и смертях своих семей у священника, а не у большевиков). Вполне вероятно, что 29-летний отец Василий мог чувствовать некоторую неуверенность во взаимоотношениях с седовласыми прихожанами.

Но жители села встали на защиту своего пастыря, и 15 июля 1919 года священник Воинов был освобожден под поручительство сельского общества. 25 августа трибунал приговорил его к 5 годам условно⁷⁷.

Одно из выявленных дел — в отношении священника Бронницкого уезда Александра Парусникова — касалось часто возбуждаемого в то время вопроса о браке. После революции люди получили возможность легко расторгать брак, обратившись в советские органы, но после этого вступали в повторный брак и хотели венчаться. Духовенство справедливо отказывалось давать церковное благословение не такие браки. Люди апеллировали к органам советской власти и чаще всего получали от них поддержку: большевикам всегда было выгодно встать на противоположную духовенству и Церкви сторону.

Гражданин Иван Герасимов оформил расторжение брака у народного мирового судьи и собирался повенчаться с другой женщиной. Отец Александр Парусников отказал ему. Так же поступил и другой священник — протоиерей Алексей Хавский. Первый как будто указал на то, что Церковь отделена от государства, поэтому гражданский развод он не признает, а второй сказал точно и метко: «Гражданский суд развел — и живите гражданским браком, или обратитесь к владыке»⁷⁸. 10

февраля 1919 года производство прекратили за отсутствием состава преступления⁷⁹.

В том же уезде — в кладбищенском храме во имя святого Илии Пророка города Бронницы — служил священник Александр Кедров. В конце 1918 года местные власти стали собирать материал против него, следя за его проповеднической деятельностью. Помог и донос супруги псаломщика Клавдии Успенской, которая осенью 1918 года жаловалась на то, что ее муж был уволен с должности на собрании бронницкого духовенства.

Хотя в деле имеются документы о прекращении дела Кедрова 27 июня 1919 года по амнистии⁸⁰, из других документов становится ясно, что ровно через месяц, 27 июля 1919 года, отца Александра арестовали и предъявили обвинение в контрреволюционной агитации. При обыске у него еще осенью 1918 года изъяли черновики проповедей, многие из которых были написаны еще до революции, а также указы Московской духовной консистории, присылавшиеся на имя отца Александра. Теперь эти бумаги и стали «доказательством» вины священника Кедрова

За настоятеля бронницкого кладбищенского храма вступились его брат — педагог советской школы, а также прихожане, характеризовавшие отца Александра с самой лучшей стороны⁸¹. Учитывая то, что даже намек на какой-либо состав преступления в деле Кедрова не было, и то, что он был слаб здоровьем, а его жена была, по характеристике отца Александра, «нервнобольной», с тремя несовершеннолетними детьми на руках, содержание священника в Таганской тюрьме иначе как издевательством со стороны властей назвать нельзя. Лишь 5 ноября 1919 года его освободили под поручительство прихожан⁸².

Дело священника села Красково Ухтомской волости Московского уезда Сергия Никитского⁸³ разбиралось в трибунале позже всех выявленных дел. До назначения в Красково он служил в Подольском уезде, в церкви женского Княже-Владимирского монастыря в селе Филимонки (ныне — одноименный поселок в Ленинском районе) и перешел из монастыря по причине голода.

Граждане соседних с монастырем деревень Пушкино и Марьино Г. Д. Воронов и Ф. А. Иванов, видимо, не зная о со-

стоявшемся переходе Никитского к новому месту служения, написали на него донос в ЧК, обвинив священника в произнесении контрреволюционных проповедей и публичных рассуждениях о том, что декрет об отделении Церкви от государства сводится «к уничтожению православной религии». Якобы священник также называл Ленина изменником⁸⁴. Чекисты отреагировали быстро: у священника Никитского было велено произвести обыск, но в Филимонках его не нашли за выбытием в Красково⁸⁵.

В новом приходе отца Сергия никак не могли оформить передачу храмового имущества от причта коллективу верующих, а этого добивался заведующий общим отделом Ухтомского совета А. Ф. Паршин. От того, чтобы подписать предложенные Паршиным в июне 1919 года бумаги, отец Сергей отказался, мотивировав это тем, что только был переведен в этот приход и что «один день живем здесь, другой уходим»⁸⁶. Кроме того, согласно показанию Никитского, Паршин заявил, что подписка носит добровольный характер. При этом, однако, тем же Паршиным было объявлено, что читать послания Патриарха священник не имеет права в связи с их антисоветской направленностью и должен направлять их на цензуру в местный совет (это предусматривал договор, к подписанию которого принуждался священник).

В итоге отца Сергия обвинили в контрреволюционной агитации и неисполнении распоряжения центральной власти⁸⁷. «Контрреволюционность», как видим, заключалась лишь в неподписании договора о передаче имущества коллективу верующих. Сначала священника арестовали, но потом, когда в конце декабря его прихожане вступились за него, выразив согласие подписать договор, до суда его освободили под подписку о невыезде.

30 апреля 1920 года дело Никитского разбирали московский трибунал. Надо заметить, что из выявленных в ЦГАМО дел духовенства это дело — единственное, в состав которого включен полноценный протокол судебного заседания, близкий к стенограмме. Трибунал признал священника виновным и приговорил к пяти годам заключения. Но по амнистии приговор

был применен условно с исполнением годовых общественных принудительных работ.

Интересна мотивировка трибунала, зафиксированная в приговоре. Священник, якобы «пользуясь безусловно среди части сознательных кулаков и богатеев, а части темных отсталых масс доверием как пастар посланный свыше», «использовал это доверие далеко не в пользу бедных и отсталых, а в пользу сидящих выше в троицких подворьях и прочих уютеньких уголках до сих пор к стыду нашему облачившись в саны великих патриархов церкви и стараются использовать при первой возможности через своих подчиненных как например таких никитских»⁸⁸. Снова официальные представители большевистской власти назвали народ темным и ничего не понимающим, а духовенство — заведомо контрреволюционным. Очевидно, что дело было сфабриковано на пустом месте, состава преступления не было, священник вел себя осторожно и искренне исповедовал те взгляды, приверженцем которых являлся.

Разобрав 11 дел, касавшихся преследования духовенства, монашествующих и мирян, перейдем в выводам и наблюдениям. Для большинства обвинений характерна стихийность их возникновения, связанная с непониманием и людьми, и священнослужителями, и самими большевистскими должностными лицами на местах сути и векторов антирелигиозной политики нового строя. Что именно было теперь разрешено? Что запрещено? Как нужно было действовать? На многие подобные вопросы ответа либо не было вообще, либо не было единого ответа.

Отсюда смехотворность обвинений, выдвигавшихся против священников, и волокита, заключающаяся в пересылке материалов дела по советским инстанциям и прекрасно характеризующая большевистский бюрократизм первых послереволюционных лет. Неудивительно поэтому, что многие дела разваливались на глазах, хотя желание обвинить, осудить и даже расстрелять «эту сволочь» у некоторых особо ретивых атеистов в черных кожаных куртках присутствовало.

Доказательств в рассматриваемых делах обычно не хватало или не было вообще, новоявленные следователи цепля-

лись за любую мелочь, охотно выискивали лжесвидетелей. И при этом даже большевистскому суду приходилось констатировать отсутствие обвинений (как в случае с игуменией Коломенского монастыря).

Вынесенные приговоры почти всегда — обвинительные. Но они быстро заменялись условным сроком или к фигурантам дела применялась амнистия. Впрочем, следует повторить, что представленные в фондах ЦГАМО дела — это лишь малая часть дел, ведшихся Московским ревтрибуналом. Здесь нет расстрельных дел, хранящихся в ведомственных архивах, до сих пор закрытых для исследователей, несмотря на то, что наиболее ранние из документов о репрессиях, хранящиеся там, скоро могут отметить свой столетний юбилей, и несмотря на заверения высокопоставленных лиц о необходимости открыть для исследователей архивы, содержащие документы о репрессиях.

Разобранные источники показывают, как стремительно разворачивались гонения в первые послереволюционные годы. В них хорошо видна бытовая сторона преследований (а не только формальная: обвинен — арестован — осужден — расстрелян и т.п.).

В событиях первых послереволюционных лет — описание того, что может произойти, если в народе Божьем не будет стойкого сопротивления всякой несправедливости, попранию заповедей Христовых и законов мирного человеческого общежития.

Большевики считали себя знатоками правильного устройства жизни, а верующий народ — «несознательными массами». Общим местом было указание на «темноту толпы».

Между тем массы были вполне сознательными: они *сознательно* и неизменно (почти в каждом разобранном деле) высказывались в защиту своих пастырей, посылали соответствующие ходатайства в органы власти, брали священников на поруки. Прихожане защищали церковную собственность, знали, *что* должно принадлежать храму и готовы были защищать святыню.

Иногда гонителям помогали трения в духовной среде (несколько таких примеров приведены выше), но чаще всего церковные люди сплоченно встречали грозившую им опасность.

Почти в каждом разобранным деле есть прошения об освобождении священников и поручительстве.

Не все дела доходили до судебного разбирательства, но все побывали в трибунале: либо в обвинительной комиссии, либо в распорядительном собрании. По степени справедливости революционный суд того времени напоминает нынешнее «басманное правосудие». Ужасно, когда суд, на справедливость которого уповают реальные, живые люди и их родные, представляет собой ширму, трагикомедию. Гибельно, когда правосудие профанируется, когда обвинительный вердикт является естественным и предпочтительным для судей. Молчать об этом не может ни один честный человек, молчать об этом не может и Церковь. Результатом такого молчания становится гражданская бойня — подобная той, что развернулась в России после октябрьского переворота 1917 года, и те ужасные события, которые происходили в 1930-е годы, когда небольшая (в процентном отношении к населению страны) сталинская клика планомерно уничтожала собственный народ. Повторим: молчание против такого состояния правосудия недопустимо с нравственной точки зрения.

Вынужденной задачей духовенства на местах и всех верующих людей, поддерживавших своих пастырей, было доказать лояльность Церкви советской власти. Это было необходимо для выживания, но противоречило здравому смыслу и совести. Конечно, священники в массе своей не были сторонниками той политики, которую проводили в жизнь большевики.

Уездные пастыри не были политическими деятелями и, конечно, всерьез считать их контрреволюционерами можно было лишь в условиях массового помутнения сознания, которое наступило в стране вместе с революцией. Дай Бог, чтобы трагедия русской революции не повторилась, а Церковь сумела бы противопоставить тем явлениям в обществе, которые ведут к революционным потрясениям, закон любви и Божию истину.

Примечания

¹ Первая, апробационная, публикация этой статьи была осуществлена Научно-богословским порталом «Богослов.ру» 18 марта 2011 г.

² В последние годы стали появляться работы по истории ревтрибуналов отдельных регионов, см. напр.: *Перцев В.А.* «Именем революции!»: Из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917–1923 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2008. № 1. С. 28–43; *Шабанова И.К.* Становление и развитие советской судебной системы в Среднем Зауралье (1918–1938 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2009.

³ *Мраморнов А.И.* Обвинения против православного духовенства в Саратовском губернском революционном трибунале (1918–1920 гг.) // Церковно-исторический вестник. 2008. № 15. С. 106–115.

⁴ *Титов Ю.П.* Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983. С. 16–19.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ Архивы Кремля. № 24-6. См. также: *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. М., 1997. С. 190.

⁷ Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский. Память 31 июля (13 августа) и в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

⁸ Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 86–91.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 293.

¹¹ Во время апробации данной статьи на конференции ПСТГУ в январе 2011 г. старший научный сотрудник Отдела новейшей истории РПЦ ПСТГУ Н.А. Кривошеева заявила о том, что документация трибунала по Москве имеется и хранится в фонде А-353 Государственного архива Российской Федерации. Его фондообразователем является Народный комиссариат юстиции РСФСР, состоит он из 19 описей. В их число не входят документы Московского революционного трибунала. Документы трибунала могли осесть в фонде Наркомата юстиции, поскольку они были затребованы в ве-

домство из трибунала. Таким образом, место хранения документов московского трибунала по г. Москве по прежнему остается невыясненным.

¹² *Вострышев М.И.* Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала в 1860–1920-е годы. М., «Молодая гвардия», 2004. С. 232–290. После каждого небольшого очерка автор дает отсылку на конкретное дело ЦГАМО. В некоторых случаях архивные легенды и передаваемые факты неточны, но поскольку книга носит заведомо популярный характер и написана не профессиональным историком, мы не станем разбирать замеченные ошибки. Заслуга автора этой книги и так велика и заключается в привлечении интереснейших дел Московского ревтрибунала и популяризации найденной в источниках информации.

¹³ «Руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»: Документы Центрального государственного архива Московской области о деятельности Московского революционного трибунала. 1917–1922 гг. / Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии *Д.Б. Павлова* // Россия. XX век. Альманах. 2008 (электронная копия на: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/72272>).

¹⁴ Рапорт киясовского волостного комиссара П. Гусева серпуховскому уездному комиссару от 3 августа 1917 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 241. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 14 и 14 об.

¹⁷ Объяснение священника села Киясовки Иоанна Гжельского // Там же. Л. 10–10 об.

¹⁸ Объяснения псаломщика Павла Успенского // Там же. Л. 11.

¹⁹ Обвинительное заключение от 25 марта 1918 г. // Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Допрос священника М.Д. Сахарова от 3.10.1918 // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300в. Л. 50.

²² Копия приговора Московского ревтрибунала от 11.12.1918 // Там же. Л. 3.

²³ Допрос священника М.Д. Сахарова от 3.10.1918 // Там же. Л. 51.

²⁴ Допрос А.Л. Павловой от 1.10.1918 // Там же. Л. 28.

²⁵ В обвинительном заключении и приговоре шла речь о том, что

священник Сахаров присутствовал и на сходе, где «продолжал свою преступную агитацию» (Там же. Л. 3).

²⁶ Допрос И.Г. Ермилова от 1.10.1918 // Там же. Л. 31.

²⁷ Допрос И.И. Мухина от 22.10.1918 // Там же. Л. 45 об.

²⁸ Копия приговора Московского ревтрибунала от 11.12.1918 // Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 96.

³⁰ Там же. Л. 151.

³¹ *Суслов А.* Георгиевская церковь поселка имени Цюрупы // Наше слово (газета Воскресенского района Московской области). 2007. 9 июня. № 61. С. 11. Здесь же автором найдена информация об упоминаемом в деле священника Сахарова диаконе Константине Никольском. В другой части этой же статьи сообщаются биографические данные о Михаиле: *Суслов А.* Георгиевская церковь поселка имени Цюрупы // Наше слово (газета Воскресенского района Московской области). 2007. 2 июня. № 58. С. 5. Наконец, в другой публикации того же автора есть данные о священномученике Сергии Лосеве — сыне служившего в храме о. Михаила Сахарова и упоминаемого в деле псаломщика Александра Дмитриевича Лосева, см. *Суслов А.* Пострадавшие в годину гонений // Наше слово (газета Воскресенского района Московской области). 2007. 10 ноября. № 125. С. 6. Были использованы электронные версии газеты, на момент написания статьи доступные на сайте <http://www.mosoblonline.ru>.

³² *«Любовь Минаева, бывший работник ткацкой фабрики:*

— Сейчас больно смотреть на этот поселок, честные люди, они не могут спокойно смотреть на такую жизнь. Я вас прошу: помогите нашему поселку!

Сложно сказать, является ли беспробудное пьянство здесь причиной развала или его последствием. Те работодатели, которые еще сохранились в поселке имени идеолога продразверстки, часто предпочитают работающим гастарбайтеров опухшим с перепоя русским мужикам. А самое популярное место среди цюрупинцев — это вино-водочный магазин.

— Да водка подорожает — какая разница! Извините, ребята, — помните, была горбачевская система, когда не было водки? Бесполезно.

«Пили, пьем и будем пить!» — девиз многих местных жителей. Молодежь распивает пиво прямо у памятника героям Великой Оте-

чественной, в результате чего весь парк у монумента завален стеклотарой. Мужики же предпочитают пить еще советскую классику — портвейн “Три семерки”.

— Вот видите, старшее поколение берет водочку, винцо.

— А давайте мне две!

— Вот, даже две.

— А лицо не покажу, а то вы меня скомпрометируете на старости лет.

— Вот так, да! По рабоче-крестьянски отдыхаем. А как вы думаете — для чего же это все построено? Чтобы пивка попить, культурно отдохнуть. По рабоче-крестьянски, не по богатому». (Из репортажа телекомпании ТВ-Центр из поселка им. Цурюпы Московской области от 19.10.2009, 20:30. Полную расшифровку репортажа и видео см. на сайте: <http://www.tvc.ru>).

³³ Протокол приходского собрания церкви села Лужки от 11/24 марта 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 54. Л. 13.

³⁴ Протокол допроса священника Николая Скобеева, без даты // Там же. Л. 18 об. — 18а.

³⁵ Там же. Л. 20.

³⁶ Протокол допроса священника Николая Скобеева от 10 июня 1918 г. // Там же. Л. 23 об.

³⁷ Протокол допроса М.С. Михеева от 3 декабря 1918 г. // Там же. Л. 10 об.

³⁸ Протокол допроса А.С. Балабаева от 26 октября 1918 г. // Там же. Л. 16.

³⁹ Копия приговора Московского революционного трибунала по делу священника Николая Скобеева от 20 февраля 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 100.

⁴¹ Допрос диакона Николая Яхонтова от 27.02.1919 // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 305. Л. 26 об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 38 об.

⁴⁴ Приговор Московского революционного трибунала от 3 апреля 1919 г. // Там же. Л. 3.

⁴⁵ Постановление Московского революционного трибунала от 21 ноября 1919 г. // Там же. Л. 1 — 1 об.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ Рапорт протоиерея Александра Воскресенского Святейшему Патриарху Тихону об аресте и последующих событиях // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300б. Л. 32.

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ Заявление духовенства г. Руза о необоснованности наложения на них налога 16 апреля 1918 г. // Там же. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Л. 17 об. — 18 об.

⁵¹ Допрос протоиерея А. Воскресенского от 16 апреля 1918 г. // Там же. Л. 36.

⁵² Допрос М.М. Саврасова // Там же. Л. 47.

⁵³ Там же. Л. 27.

⁵⁴ Приговор Московского революционного трибунала от 3 июля 1918 г. // Там же. Л. 205.

⁵⁵ Там же. Л. 212.

⁵⁶ *Александрова Т., Суздальцева Т.* Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель. 3-е изд. М., 2007. С. 34. Это свидетельство подтверждается разбираемым далее делом из фонда Московского революционного трибунала.

⁵⁷ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 307. Л. 13.

⁵⁸ Там же. Л. 47 об. — 48.

⁵⁹ Там же. Л. 15–16.

⁶⁰ См. о нем: *Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев-обновленцев // «Обновленческий раскол» (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 758.

⁶¹ Там же. Л. 1.

⁶² Там же. Л. 34 об., 36 об.

⁶³ Там же. Л. 11.

⁶⁴ *Александрова Т., Суздальцева Т.* Указ. соч. С. 35.

⁶⁵ См. там же.

⁶⁶ Идея, правда, реализована так и не была, см.: *Шепелев Н.* Коломенские монастыри // Коломенский альманах. М., 2001. Вып. 5. С. 409.

⁶⁷ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 301. Л. 11.

⁶⁸ Там же. Л. 11–11 об.

⁶⁹ Там же. Л. 12.

⁷⁰ Там же. Л. 12 об.

⁷¹ Сладков К., *свящ.* Из церковной истории Коломны периода гонений на веру // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 1–2 (электронная версия: http://vedomosti.meparh.ru/2005_1_2/10.htm).

⁷² ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 301. Л. 54.

⁷³ Копия приговора Московского революционного трибунала от 13 октября 1919 г. // Там же. Л. 6.

⁷⁴ Ранее отмечалось, что имя было не известно, см.: Преподобномученицы Мария и Анна // Благовестник. 2002. № 3 (электронная версия: <http://blagovestnik.kolomna.ru/stranicyhistory1.htm>).

⁷⁵ Показание председателя сельского совета Васильева от 3 июня 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 427. Л. 15 об.

⁷⁶ Допрос священника Василия Воинова от 5 июня 1919 г. // Там же. Л. 31.

⁷⁷ Приговор Московского революционного трибунала от 25 августа 1919 г. // Там же. Л. 1.

⁷⁸ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 684. Л. 7 об.

⁷⁹ Там же. Л. 1.

⁸⁰ Выписка из протокола № 3 губернской комиссии по применению амнистии от 27.6.1929 // Там же. Л. 2, 5.

⁸¹ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 309. Л. 143.

⁸² Там же. Л. 155, 158.

⁸³ Никитский Сергей Михайлович (ок. 1885 — ?) — выпускник Московской (?) духовной семинарии, в 1919 г. студент Московской духовной академии. Имел жену и 5 детей. В 2003 г. по разбираемому делу реабилитирован (см. <http://lists.memo.ru/d24/f324.htm>).

⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 362. Л. 13 об.

⁸⁵ Протокол обыска от 25 июня 1919 г. // Там же. Л. 17.

⁸⁶ Там же. Л. 5.

⁸⁷ Копия приговора Московского революционного трибунала от 30 апреля 1920 г. // Там же. Л. 9.

⁸⁸ Там же.